

Памятник торфу

В газете Мари-Турекского района «Знамя» за 17 февраля 2012 года была напечатана статья местного краеведа Валентина Викторовича Зайцева «Раздумья над вечностью», где говорилось о жизненном пути труженицы тыла - Анне Дмитриевне Ведерниковой. В этой статье, например, было написано и о том, что в тяжелые годы Великой Отечественной войны, Анна Дмитриевна и ее односельчане из Мари-Билямора приходили в Мари — Турек, на Холодный ключ, за торфом для еды.

На данную статью мной был написан в газету отклик, напечатанный в «Знамени» 30 марта 2012 года под названием «Красный творог войны». В нем говорилось следующее: «А вот моя бабушка (мамина мама) — Еремеева (Тихонова) Анна Ефимовна, ходила на Холодный ключ за торфом в годы войны из деревни Вочарма Параньгинского района. Эту деревню наши мари - турекцы теперь хорошо знают, потому что там, в подрастающем сосняке, растут «царские» грибы — рыжики... Таких лесов, что растут около Мари - Турека, там нет, а вот недавно посаженный сосняк радует глаз и дарит свои дары людям. До этой деревни от Мари-Турека — рукой подать: минут пятнадцать по шоссе до села Елеево, а дальше — налево с километр по асфальту, и ты — в сосняке. А вот в годы войны из деревни Вочарма до Турека ходили напрямую через деревню Портчара — так было ближе.

Когда началась война, моя бабушка, Анна Ефимовна, осталась с четырьмя детьми на руках, как говорится, мал мала меньше. Самому старшему ребенку (сыну Василию) в начале войны было девять лет, моей маме (Петрова Анастасия Яковлевна) шел седьмой год, а еще были четырехлетний Александр, полуторагодовалая Лиза... Несмотря на свой возраст, мама хорошо помнит, когда забрали ее отца на фронт. Это было 14 августа сорок первого года. Больше отца своего они не видели. Пришла лишь похоронка о том, что Еремеев Яков Спиридонович в декабре 42-ого пропал без вести ...

Много чего из тех лет помнит мама. Например, она очень хорошо помнит, как избили ее маму за несколько колосков, которые она, отчаявшись, что нечем кормить детей, спрятала в карман. Чем-то нужно было накормить малышей, ведь на пять ртов работала она одна, а это всего - то с килограмм ржи, что выдавали в колхозе за работу. Сколько муки из килограмма ржи можно намолоть?.. «Это потом, когда мой брат Василий, оставив учебу, после пятого класса начал работать вместе с мамой в колхозе, появился еще килограмм ржи в семье и болтушка стала гуще», — говорит мама. Рецепт этой болтушки прост: берешь кипяток и разводишь в нем ржаную муку.

Очень трудно было выдержать зимы. Дождавшись конца зимы, по затвердевшему снегу шли люди за подсохшими сережками орешника, что

впоследствии мололи и из этого лепили лепешки. Если была мука, добавляли чуть-чуть муки. Но муки практически не было, потому что зерна в колхозах не выдавали, да и было ли оно? Все, что выросло на полях, сдавалось государству, часть — на пайки. Даже самые маленькие, 6 - 7 — летние дети, привлекались к сбору колосков на полях после того, как поля были сжаты серпами взрослыми. Все было подчинено одной цели — «Все для фронта! Все для победы!».

Впрочем, что могло тогда вырасти на полях, если лошадей забирали на фронт, как и мужчин? А землю пахали, такими же, как люди, голодными коровами да быками, которых на ночь перетягивали лямками да привязывали к стойлу, до такой степени они были истощены... А по утрам их, перетянутых лямками, уже проще было выгонять на поле — их не надо было поднимать, они уже были на ногах. Часть коров и быков в деревне Вочарма Параньгинского района (тогда это был колхоз «Тумер») были из Белоруссии, которых пригнали эвакуированные. Например, мама хорошо помнит из эвакуированных такую же, как она, маленькую Нюру из Белоруссии, с которой они подружились.

... А еще, когда набухали весной почки липы, люди с нетерпением ждали появления молодых и сочных ее листьев, потому что липовые листья тоже ели. Мама вспоминает, как где-то в сорок третьем году они всей семьей от липы стали отекать, особенно сильно отекала ее мама. Нужно было что-то другое искать для еды.

Кстати, историки считают 43 год для сельского хозяйства нашей республики самым тяжелым.

После таяния снега в деревнях собирали кочерыжки капусты, их сушили, мололи с помощью ручной мельницы и пекли лепешки, иногда варили из этого болтушку, положив вместе с ржаной мукой в водичку. А про сгнившую картошку, которую тоже ели, наверное, знает каждый. Правда, надо было еще найти эту капусту да гнилую картошку, - ведь голодали все. И каждый, кто выходил на поле, надеялся, что он что-то принесет домой.

Нет-нет, да и вспомнит моя мама случай из той жизни, как ее мама, придя в Турек за торфом, зашла в гости к своей родственнице и в качестве гостинцев занесла ... несколько замерзших кусков торфа. Растопили они соломой печь и сварили торф в котле — вот и весь обед.

Кстати, торф ели и в блокадном Ленинграде. Как-то, еще во времена проводного радио, была передача о войне, где я услышала рассказ блокадницы о том, как выживали в блокаду. Меня удивил ее рассказ, в том числе и потому, что они, оказывается, тоже ели торф. Только они называли его «*красный творог*». Я уже тогда знала от своих родителей, что и у нас ели торф. Но почему в блокадном Ленинграде называли этот торф «*красным*

творогом»? Мой вопрос маму не застал врасплох. Оказывается, когда варишь этот торф, он становится красного (бурого) цвета. Вот и все объяснение.

Конечно, этот торф можно было есть понемногу, по чуть-чуть, но голод брал свое... Так, однажды в семье моего отца, Петрова Ивана Алексеевича, после очередного перекуса торфом, плохо стало одному из его братьев, и этот брат его, несмотря на свой возраст (было ему около пяти лет) впоследствии наотрез отказывался есть торф.

В книге «История Марийской АССР» под редакцией А.В.Хлебникова про 43 год, например, написано: «В колхозах осталось лишь 60% трудоспособных работников по сравнению с довоенным временем. Ухудшалась техническая оснащенность колхозного производства, агротехника, падала урожайность. А план весеннего сева был, как и в предыдущем году, выше довоенного. Накануне сева в 1943 году не хватало почти 84 тыс. ц семян зерновых.

... Для северо-восточных районов МАССР выделили семенное зерно колхозы Горномарийского, Еласовского, Моркинского, Звениговского и других районов. ...Не хватало транспорта для перевозки семян. Колхозники вывозили их на санках и тележках, переносили на себе, часто за десятки километров. ...Ценой величайшего напряжения колхозы выполнили план хлебозаготовок, хотя в 1943 году был получен самый низкий за все годы войны валовый сбор зерна. ...Крестьянство сознательно шло на максимальное самоограничение, показывая образец высокого понимания патриотического долга».

Язык цифр историков подтверждает не только то, что ты слышал в воспоминаниях о войне от тех, кто пережил войну, но расширяет понимание того, почему в войну даже малыши работали на полях вместе со взрослыми, почему животные были перевязаны лямками, почему женщины, например, ходили пешком из деревни Вочарма Параньгинского района до деревни Токтай Беяк Куженерского района за зерном для сева, неся обратно мешки на себе, почему ели тот же торф и так далее.

... Иногда на митингах в честь Победы мне кажутся недостаточными те слова благодарности, которые произносятся в адрес тружеников тыла. Потому, что они, от мала до велика, как и участники боевых действий, тоже сражались за Победу, только кто - за плугом на полях, кто - за станками на заводах. Они не просто выжили, как говорил поэт - фронтовик К.Симонов, «всем смертям назло!», но все 1418 дней и ночей войны боролись за Победу. И это не просто 1418 дней голода, холода и разрухи, а борьба за Победу на грани жизни и смерти, потому что в тылу считали: на фронтах войны еще хуже, еще тяжелее, а, значит, надо терпеть и держаться. Терпеть и держаться, возможно, уже зная, что кто-то из твоей семьи уже никогда с фронта не

вернется... Наверное, нет ни одной семьи, которую обошла бы стороной похоронка».

Вот и получается, что есть и у нашего Холодного ключа своя история, связанная с войной. Холодный ключ — это не просто государственный заказник, где есть уникальные растения, занесенные в Красную книгу, а, значит, это место надо охранять и беречь. Холодный ключ — это часть нашей малой родины, та земля, которая в голодные военные годы помогала людям всей округи выстоять и выжить.

«Не выходит из головы картина: на столе из грубо обтесанных досок стоит деревянная площадка с «красным творогом» - торфом, а рядом лежит пучок лебеды - «хлеб» Великой Отечественной», — размышляла я, обращаясь через газету к Валентину Викторовичу с просьбой включиться в важное и нужное дело - найти это место на Холодке, где в войну люди брали торф на еду, и открыть всем миром, например, мемориальную доску. В благодарность малой родине и в память о тех, кто ежедневно в тылу ковал Победу. На мою просьбу Валентин Викторович откликнулся. Была проведена определенная работа, в том числе был завезен и камень из пос. Горняк Сернурского района.

22 июня 2012 года, в День памяти и скорби, участники митинга, который прошел в парке поселка Мари — Турек, выехали на территорию «Холодного ключа», где был продолжен митинг и открыт памятник торфу. На памятнике высечены слова: «Путник, остановись! Здесь лежит торф — черный хлеб войны».

Теперь каждый год, 22 июня, в День памяти и скорби, у памятника торфу на территории Государственного природного биологического заказника республиканского значения «Холодный ключ» проводятся митинги с участием «детей войны», тружеников тыла, участников Великой Отечественной войны (1941 - 1945 гг.), жителей поселка, учащихся МБОУ «Мари-Турекская СОШ»... Приезжают сюда и из соседних, Параньгинского и Сернурского районов.

... У российского актера Л.Прыгунова, родившегося и жившего в войну в Алма-Ате, есть такие строки:

*Я детство прожил в нищете войны,
Хотя наш город и не знал бомбежки.
Все зимы – с осени и до весны,
Давились мы гнилой картошкой.
Зато весной — такая благодать:
Крапива, лебеда, лучок — голубчик!
Колдует ночью у костра с кастрюлькой мать,
Слезами заправляя жидкий супчик.*

Почти так же, как было в войну и у нас, на нашей малой родине, только вот еще здесь торф ели...

С. Петрова, д. Верхний-Турек, Мари-Турекский район

